

Экологическая политика зарубежных стран. Когда экология ударит по мировой экономике?

Статья посвящена современным тенденциям в экологической политике разных стран, в том числе России. Сегодня, когда перспективы реализации любого проекта напрямую связаны с его экологичностью, а также теперь и с его долгосрочным влиянием на климат, важно понимать, на какие факторы стоит прежде всего обращать внимание, включаясь в ту или иную работу. Особенно, когда речь идет о сотрудничестве с западными организациями. Ну и, конечно, роль и ответственность организаций, выполняющих для проектов инженерно-экологические изыскания, будет неуклонно расти, а их работа будет становиться все более политизированной.

Михаил Васин
Обозреватель

Говоря об экологической политике зарубежных стран, в первую очередь, конечно, нужно заострить внимание на европейских тенденциях. Одной из поворотных точек международной политики, социального и экономического развития и экологического сотрудничества является провозглашенный ЕС 11 декабря 2019 г. «Европейский Зеленый курс» – программа действий, направленных на то, чтобы сделать экономику ЕС экологически устойчивой. Цель – достичь климатического нейтралитета к 2050 г. и превратить это в экономическое и промышленное преимущество Европы.

Курс представляет собой широкий комплекс политических мер и субсидий, нацеленных на сокращение загрязнения окружающей среды и одновременно увеличение исследований и

инвестиций в зелёные технологии. Это, по сути, попытка трансформировать европейскую экономику и модели потребления. Но поскольку он предполагает фундаментальную реформу европейской энергетической системы, то изменит и отношения ЕС с его соседями – Европе придётся пересмотреть приоритеты в глобальной политике. Иными словами, это внешнеполитический курс с глубокими геополитическими последствиями.

Во-первых, кардинальная реформа изменит европейскую модель торговли и инвестиций. Евросоюз импортировал энергоресурсов более чем на 320 млрд евро в 2019 г., более 60 процентов импорта из России составляли энергоресурсы. Россия, Алжир и Норвегия в итоге лишатся основного экспортного рынка, что может дестабилизировать их экономически и политически.

Во-вторых, сегодня на Европу приходится около 20% мирового импорта сырой нефти. Переход Европы на возобновляемые источники энергии вызовет падение доходов основных экспортёров нефти, даже если они не торговали с ЕС в связи с падением цен.

В-третьих, «зелёная» Европа станет более зависимой от импорта продуктов и сырья, которые необходимы для экологически чистой энергетики и технологий. Кроме того, Европа может остаться крупным импортёром энергии, но эта энергия должна быть зелёной, как, например, зелёный водород, произведённый в солнечных регионах планеты.

В-четвёртых, Зелёный курс повлияет на конкурентоспособность Европы, т.к. продукция европейских компаний станет менее конкурентной как на внутреннем, так и на внешнем рынке. А если Евросоюз попытается ввести пошлины на импорт с высоким углеродным следом, он рискует столкнуться с обвинениями в нарушении правил международной торговли и обвинением в незаконных торговых барьерах.

Следовательно, Зелёный курс – это радикальные изменения во внешней политике. Если отказ от углерода ограничится только Европой, он не сможет смягчить глобальное потепление, потому что на Европу приходится менее 10 процентов мировых выбросов парниковых газов. Ещё хуже то, что в результате Зелёного курса эти выбросы просто перейдут торговым партнёрам Европы, и повлиять на изменение климата не удастся. Хотя бы по этой причине Евросоюз должен активно продвигать идею многосторонних соглашений по борьбе с глобальным потеплением и подчинить некоторые свои цели этому приоритету. Еврокомиссия уже признала необходимость либо экспортировать декларируемые новые стандарты, либо создавать пограничный корректирующий механизм для обеспечения конкурентоспособности Европы.

Все эти факторы подразумевают, что ЕС придётся разрабатывать новые торговые и инвестиционные соглашения, новые модели финансового и технического взаимодействия власти, экономики и внешней и внутренней политики. Международная активность ЕС неизбежно затронет отношения с США и Китаем, у которых есть собственные взгляды на то, как обеспечить устойчивое развитие и вести переговоры по климату. Отношения со странами, экспортные интересы которых затронет Зелёный курс (государства Персидского залива, Россия), также будут вынужденно трансформироваться. Реакция партнёров ЕС будет варьироваться от сотрудничества в реализации климатической политики до попыток перенаправить торговые и инвестиционные потоки и прямых враждебных действий против последствий Зелёного курса.

Как говорилось выше, ЕС намерен создать экономику замкнутого цикла, вложить €1 млрд в развитие «зеленых» технологий в ближайшие 10 лет, достичь декарбонизации металлургического сектора к 2030 году, ввести налог на товары с большим углеродным следом. Главной задачей является сокращение использования угля, в том числе за счет увеличения импорта газа. Поэтому в краткосрочной перспективе Россия может нарастить поставки газа в Евросоюз. Однако в среднесрочной перспективе ЕС снизит потребление нефти и газа. Учитывая, что на энергоресурсы приходится порядка 60% всего экспорта из России в ЕС, это создаст для Москвы экономические издержки. По мнению экспертов, ситуация радикально изменится после 2030 года, когда Европа выйдет на новый этап реализации плана по климату. «Вероятно, ЕС расставит новые приоритеты, закупая меньше у России, где добыча ископаемых сопряжена с большим объемом вредных выбросов, и больше – у поставщиков, где углеродный след при добыче ископаемых примерно в половину меньше, чем у России», — прогнозируют исследователи из Bruegel.

Наиболее вероятной геополитической реакцией России станет попытка диверсифицировать базу потребителей энергоресурсов. Уже со времён финансового кризиса 2007–2009 гг. и украинского кризиса 2014 г. реализуется план по перенаправлению продаж в Китай. В 2016 г. Россия вытеснила Саудовскую Аравию с позиции крупнейшего поставщика нефти в Китай, а в 2018 г. отправляла в КНР 1,4 млн баррелей нефти в сутки (более 25% от объёма нефтяного экспорта). В декабре 2019-го был открыт газопровод «Сила Сибири» и, по прогнозам, в 2024 г. поставки газа возрастут до 38 млрд кубометров в год (до 15% от объёма экспорта газа к 2018 г.). Тем не менее, в условиях падения цен на энергоресурсы, КНР пользуется отсутствием выбора у России и добывается поставок по более низким ценам. Долгосрочные риски для России заключаются в следующем: если переориентация на китайский рынок не будет подкреплена зелёной трансформацией энергетической системы, которая позволит обслуживать европейский рынок, зависимость России от Китая возрастёт.

Экологическая повестка в России и в мире

Неэффективность российской энергетической системы позволяет предположить, что в экономике страны есть множество возможностей для ее перестройки и сокращения выбросов парниковых газов.

Как и в Европейском союзе, в США и Китае на протяжении последних лет экологическая повестка выходит в число приоритетов.

Объем выбросов парниковых газов ЕС сейчас составляет около 3,3 млрд т в год, уровень выбросов России оценивается в 1,68 млрд т – то есть, при территории в 4 раза меньше России (4,354 млн кв км против 17,125 млн кв км) ЕС выбрасывает в 2 раза больше парниковых газов.

США (по площади в 2 раза меньше РФ) в год выбрасывают около 5,28 млрд т CO₂. На законодательном уровне власти намерены закрепить достижение углеродной нейтральности к 2050 году. Планируется выделить \$2 трлн в следующие четыре года на развитие возобновляемой энергетики и «зеленой» инфраструктуры.

Китай (уровень выбросов ок. 10 млрд т) еще в начале 2010-х годов декларировал цель построения экологической цивилизации. В 2018 г. это понятие было внесено в Конституцию, в 2020 г. была объявлена цель достижения углероднейтральности к 2060 г. Российские власти уже призвали бизнес готовиться к возможности введения ЕС углеродного налога. «Можно констатировать, что ... уже через два, максимум через три года будут созданы первые в мире прецеденты реализации мер углеродного протекционизма», — отметил спецпредставитель президента по вопросам климата Руслан Эдельгериев.

Дополнительные затраты российских экспортеров из-за налога ЕС при базовом варианте составят €33,3 млрд в 2025–2030 гг. В оптимистичном сценарии ЕС введет налог только в 2028 году и будет взимать его с разницы между фактическими выбросами углекислого газа (CO₂) при производстве товаров и эталонным объемом ЕС. Нагрузка для российских производителей в этом случае составит €6 млрд за три года (2028–2030). При самом негативном сценарии налог может обойтись поставщикам из России в €50,6 млрд до 2030 г. Это произойдет, если трансграничный налог будет введен уже в 2022 году.

Может ли экологическая повестка изменить роль России в мире

Тема экологии играет очень противоречивую роль, она может как разделять, так и объединять страны, говорит заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ Дмитрий Суслов. Пока климатическая повестка стран Запада носит дискриминационный характер, рассчитана на производителей, а не на потребителей, указывает он. Однако если Россия будет предлагать объединительную повестку, это может стать очень важным аспектом в сотрудничестве внутри БРИКС и ШОС, а в условиях конфронтации с США и ЕС экологическая тема может быть единственной областью наведения мостов и позитивного взаимодействия.

Это отчасти подтверждает то, что одной из немногих тем, оставшихся в российско-американской повестке, стала тема климата. Министр иностранных дел Сергей Лавров кратко обсудил ее со спецпредставителем США по климату Джоном Керри в Нью-Дели; Затем эта тема обсуждалась и на встрече Президентов США и РФ. В отношении возможного сотрудничества с ЕС по климату мнение экспертов расходятся – часть из них убеждены, что время для совместных инициатив еще не пришло, учитывая общий контекст отношений.

Климатическая повестка едва ли станет смягчающим фактором в отношениях России и Запада в ближайшей перспективе, считает научный сотрудник американского Института исследований внешней политики (FPRI) Максимилиан Хесс. По словам Хесса, Россия продолжит использовать как нефтяной сектор, так и другие сферы экономики, например металлургию, как рычаг давления на Запад на переговорах по климату. «Вопросы климата приобретают всю большую важность для геополитической стратегии Запада, но не России», – резюмировал Хесс.

Таким образом, в заключение следует отметить, что экология в целом и климатоформирующие факторы в частности в последние десятилетия занимают все более важное место во внутренней и внешней политике большинства государств, активно влияя на международные отношения и экономику. Это влияние имеет как положительные, так и отрицательные стороны. С одной стороны, решение глобальных климатических и экологических проблем может мотивировать поиск точек соприкосновения между недружественно настроенными государствами. С другой стороны, эти вопросы могут спровоцировать не только экономическое противостояние держателей и потребителей энергоресурсов, но и откровенное политическое давление, а не редко – и откровенную агрессию и шантаж. Эти негативные моменты усугубляются различием взглядов на экологию и изменения климата отдельных государств и межгосударственных союзов и объединений.

Исходя из этого, хочется пожелать и России, и Евросоюзу, и прочим странам прийти к единому взгляду на экологию, климат и будущее чистой планеты.